

Вадим ЯРМОЛИНЕЦ

Вадим Ярмолинец родился в 1958 году в Одессе. Окончил факультет романо-германской филологии Одесского университета, работал в газетах «Моряк» и «Комсомольская искра». В 1989 году эмигрировал в США, работал в газете «Новое русское слово». Публикации в журналах «Октябрь», «Новая юность», «Новый журнал», «Вопросы литературы», «Новый мир» и др. Автор трех книг прозы. Постоянный автор журнала «Волга».

РАССКАЗЫ ИЗ СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ СМИРНОВСКИХ

Бон аппетит!

На день рождения Антон приглашает Беату в невероятно дорогой манхэттенский ресторан. Он надеется, что его щедрость покажет ей, наконец, что все, что разделяет их, в первую очередь – возраст, не может быть помехой счастью.

Он надевает черный костюм и белоснежную рубашку. Она – в черном платье с открытыми плечами, прекраснее которых он не видел в своей жизни ничего. Почти ничего. Хотелось бы развить эту тему, но если коротко, то все аналогично прекрасное – из виденного им – тоже имеет отношение к Беате.

Их встречает мерцание свечей, блики света на бокалах и столовом серебре, искрение бриллиантов, огромные букеты невиданных цветов. От волнения Антона бьет озноб.

Метрдотель провожает их к столу у окна, подает меню и винную карту. Конечно же, он видит, насколько Антон и его подруга случайны в этом месте. Когда официант наполняет их бокалы водой, метрдотель возвращается и с деловым видом сообщает, что в ресторан прибыла без предупреждения одна звезда эстрады и кино. Отказать ей совершенно невозможно – представьте себе уже этот скандал! Короче говоря, их просят уступить ей свой стол и перейти к стойке бара, где они могут заказать все то же самое и в качестве компенсации за неудобство получить от ресторана по бокалу креман д'Эльзаса.

– Креман д'Эльзаса?!

Антон еще пребывает в немом шоке, когда Беата устремляется к выходу. Поднимаясь, чтобы последовать за ней, он видит, что лицо метрдотеля сохраняет спокойное, деловое выражение, невзирая на произошедшую катастрофу. Его безразличие – ужасно. Ужасней насмешливой улыбки. Ужасней сообщения о начале извержения гигантского вулкана, расположенного под национальным парком Йеллоустоун. Ужасней мысли о холоде постели, в которой Антон проснется назавтра один.

На улице Беата достает сигарету и закуривает. Пальцы ее подрагивают.

– Ты понял, кому они отдали наш стол? – она кивает головой и выпускает длинную струю дыма в направлении лимузина, из которого выносят звезду. Улыбаясь, та шлет воздушные поцелуи притормозившим в изумлении пешеходам.

– Голос народного достоинства! – повторяет расхожую характеристику звезды Беата и добавляет еще одно слово, не менее точно, по ее мнению, характеризующее артистку.

Антон поднимает с тротуара обломок кирпича.

– Ну, это уже, пожалуйста, без меня, – говорит Беата и сердитые каблук от Маноло Бланика уносят ее за угол.

Пешеходы восстанавливают первоначальное направление своего движения. Лимузин отчаливает от бровки и вливается в транспортный поток. Воздух теплый, умеренно влажный, пропитанный ароматом цветущей за чугунной оградой сквера вишни. Антон видит через белое стекло тени звезды и ее спутника за столом, который недавно принадлежал ему и Беате. Над ними стоит метрдотель и осторожно двигает в воздухе рукой.

Подбросив обломок кирпича на ладони, – вес кажется ему удовлетворительным, – Антон, как последний привет, оправляет его в сторону похищенного у него рая. Окно принимает камень неожиданно сдержанным звуком – клоц! Огромный паук, откуда ни возьмись, появляется на стекле, после чего верхние треугольники между черными нитями паутины проваливаются внутрь. Звон и женские крики оттесняют на второй план звуки машин и аромат цветущих деревьев.

Антон остается на месте. Он хочет, чтобы обидчики знали, что это не случайность, что его любовь нельзя так вот просто взять и бросить под чьи-бы то ни было ноги.

Когда полицейский стягивает наручниками его запястья, метрдотель с группой официантов торопливо ведут звезду к едва подоспевшему на ее спасение транспортному средству. Когда она ставит ногу в освещенный сиреневым неоновым салом своего корабля, Антон выкрикивает ей:

– Бон аппетит, мадам!

Она оборачивается, но он не успевает увидеть, что выражает ее лицо. Возможно – ничего.

От адвоката он узнает, что упавшим стеклом спутнику звезды отрубило руку. Его не интересует – по плечо, по локоть или только кисть. И делались ли попытки пришить ее на место. Это не существенно. Иная мысль посещает его и навсегда прописывается в сознании: за любовь надо платить.

Летний сон

В один из дней своего одиночества Беата идет в лес и теряется в нем. Поплутав какое-то время, она выходит к озеру с водопадом. Вода в нем совершенно прозрачная. Вокруг – никого. Она снимает с себя все и идет купаться. Выплыв на середину озера, она испытывает полноту жизни, которая, что ты ни говори, еще далека даже от своей середины.

Она смеется, представив себе, что она не в озере, а в каком-то новом, упоительно освежающем пространстве, по которому она может свободно перемещаться, делая едва уловимые движения, как парящая в воздушных струях белая птица, чайка, например.

Беата выходит на берег, смахивает капли воды с кожи, выкручивает волосы, встряхивает ими, чтобы они рассыпались равномерно по ее прекрасным плечам, осматривается. Никого вокруг, все неподвижно, только шумит невдалеке водопад.

Она ложится на траву и закрывает глаза. Теплый ветерок ласково касается ее тела. Как все прекрасно, как покойно, думает она, погружаясь в сладкую дрему.

Ей снится сон, в котором она видит себя просыпающейся, но уже не на берегу озера, а в огромной белой постели, которая стоит посреди залитой солнцем комнаты. В высоких окнах видна красная башня.

«А ведь это башня Святого Марка, – думает она. – Как интересно, выходит я уже в Венеции! Но нужно ли мне вставать и искать того, кто объяснит мне, как я сюда попала и зачем?»

В это время двери открываются и в комнату входит группа улыбающихся девушек в белых одеждах. Они несут подносы с фруктами и вино. Устроившись вокруг нее на постели, они расчесывают и массируют ее, легко подкрашивают где надо, и по их намекам и многозначительному смеху она понимает, что ее ждет встреча с тем, кто, грубо говоря, оплатил все это удовольствие.

Наконец она решается прямо спросить, где же тот, кого они ждут. Девушки отвечают, не без удивления: неужели она не догадывается, неужели в самом деле она еще не поняла ничего?

– Нет, – растерянно пожимает она плечами, – а где же он?

– Он – здесь! Он был с нами все время!

– Да где же?

– Где? Под кроватью!

– Под кроватью?!

– Да! Под кроватью!

– Ну, так пусть же вылезает оттуда!

– Ну что ж, пожалуй, самое время! Пусть вылезает.

Девушки оставляют ее, кто-то устраивается на подоконнике, кто-то в креслах, взгляды всех прикованы к тому месту, откуда сейчас должно появиться новое действующее лицо этого сюжета. Одна девушка берет серебряную флейту и исполняет волнующе-нежную мелодию для названного инструмента из оперы Глюка «Орфей и Эвридика». Тихий, непонятно откуда взявшийся то ли свист, то ли шепоток вторит флейте.

Взволнованная музыкой Беата видит, как над белыми волнами шелка поднимается змеиная голова. Она поднимается все выше, и Беата с изумлением наблюдает, как переливается невиданными узорами чешуя змеи, точнее змея, как его тело движется в полном согласии с чарующей мелодией. Музыка льется, льется, наполняя собой все, что можно наполнить, и Беата обессиленно откидывается на подушки, предчувствуя неминуемое сближение с искусителем. Ах, вот он уже скользит по ее коже, обвивает ее так нежно и сильно, так хорошо, так бесконечно хорошо, что она лишается чувств.

Беата приходит в себя от прохлады и отдаленного шума. Она открывает глаза и видит, что лежит на берегу того же озера. Солнце скрылось, и длинные тени протянулись от деревьев к воде. Ей кажется, что теперь она не одна. Она оглядывается и видит присевшего на корточки бритоголового мужчину с искаленным носом. Несмотря на лето, на нем ватник и сапоги. Сильными зубами из нержавеющей стали он грызет стебелек травы.

– Кто вы? – испуганно спрашивает Беата, прикрывая грудь платьем. – Откуда вы здесь взялись?

– Я – водитель грузовика, – отвечает мужчина. – Парковка для отдыха дальнотойщиков вон за теми кустами. – И он указывает рукой туда, откуда пришел.

Милуоки

Разговору был положен конец, когда Антон сообщил матери, что в его возрасте он уже не может выбирать или ждать каких-то чудесных неожиданностей, что жизнь уходит,

что осталось – всего ничего, и тогда мать, вздохнув, сказала: «Делай как знаешь». Свою горькую капитуляцию она заключила сообщением, что уйдет жить к подруге, оставив в его распоряжение их скромную – в две комнаты – квартиру.

В тот же день он улетел в Милуоки.

В пустом баре аэропорта пожилая женщина за стойкой сообщила ему, что Беата заходит сюда со своим бойфрендом по пятницам. Заказав «Джек Дэниелс» безо льда, Антон еще узнал, что бойфренд Беаты – боксер-профессионал и что жизнь у нее с ним не заладилась. Барменша согласилась передать Беате записку и потом принесла Антону ответную, где говорилось, что та придет к нему в следующую среду, а если не сможет в следующую, тогда через одну – по средам она оставалась дома одна. Она также просила Антона, чтобы он ни в коем случае не брал билеты на самолет, потому что ее любовник мог их настичь в зале ожидания. Безопасней, написала она, будет покинуть город на автобусе.

В среду он просидел целый день у окна того же бара, заказывая чашку за чашкой безвкусный кофе, поглядывая то на вход, то на передвижение темных громад самолетов в накрывшем летное поле тумне.

Он вернулся к этому же окну через неделю, обнаружив, что за столом его поджидает коренастый мужчина с бритой головой и изуродованным носом. Поднявшись и не вынимая рук из карманов синего матросского бушлата, он кивком головы показал, чтобы Антон следовал за ним.

Машина бритоголового, проскрипев колесами по прибрежной гальке, остановилась недалеко от пирса, и они поднялись на него. Сгустившийся туман скрыл от них оба берега реки, даже воду, дававшую знать о себе мягкими шлепками о сваи. Новое пространство, казалось, уже не принадлежало ни к какому миру, а может быть, служило неким переходным от знакомого в новый.

Их недолгая прогулка по дощатому настилу кончилась, когда бритоголовый, по-прежнему не говоря ни слова, нанес Антону удар в живот такой силы, что тот согнулся, не в состоянии ни вдохнуть ни выдохнуть. И тогда бритоголовый легко подтолкнул его к краю пирса. Погружаясь в густую от ноябрьского холода воду, Антон подумал, что Беата должна была ждать его здесь уже не менее недели. Едва преодолевая сопротивление мокрой куртки, он обернулся – в надежде увидеть в ледяной мгле светлое пятно ее волос.

Нью-Йорк